

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ПОСОЛ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

(по надгробию Якопо Корнаро, 1362 г.)

Важнейшее значение в системе широко раскинутых водных торговых путей Средиземноморья имела в XIV в. Тана, лежавшая на левом берегу древнего Танаиса — Дона, при его впадении в Азовское море¹. Эту средневековую итальянскую колонию отличало исключительно выгодное географическое положение: она глубоко вдавалась в территорию Юго-Восточной Европы и водные пути по Средиземному, Черному и Азовскому морям через Тану ближе всего подходили к Поволжью. Поэтому Тана стала транзитной станцией на одном из главных путей европейской торговли с Востоком: она непосредственно соприкасалась с обширной областью степей и с Золотой Ордой, а через эти степи шла дорога к городам на Нижней Волге и к берущим отсюда начало длиннейшим сухопутным магистралям в регионы Средней и Дальневосточной Азии².

Тана — преимущественно венецианская колония, хотя уже в XIV в. там имели свой квартал и генуэзцы. Однако для венецианцев Тана была единственной крупной восточной станцией, тогда как главной базой генуэзцев в Северном Причерноморье всегда оставалась Каффа (Феодосия) — большой укрепленный город с прекрасной бухтой — и значительная часть крымского побережья с крепостями Солдайей (Судак) и Чембало (Балаклава). Венецианцы, несмотря на упорные усилия, не смогли обосноваться ни в одном из крымских портов: татары не допустили их в Солдайю, а предоставленная им небольшая гавань Провато (близ Каффы) не соответствовала их — венецианцев — торговым интересам³. Они были вынуждены отказаться от намерения иметь, подобно генуэзцам, прочную станцию в Таврике и сосредоточили свою деятельность на Азовском и Черном морях, с одной стороны, в Тане, а с другой — на малоазийском побережье, в Трапезунде. Таким образом, несмотря на присутствие генуэзцев, Тана была преимущественно колонией Венецианской республики.

¹ Очерк истории Таны XIV—XV вв. см. в кн.: *Е. Ч. Скржинская*. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971, стр. 29—64; *Е. С. Скржинская*. Storia della Tana. — «Studi Veneziani», t. X. Firenze, 1968, p. 1—55.

² Как известно, подробное описание пути из Таны в Китай (Gattaio) до Пекина (Carpalocco) сделано знатоком средневековой восточной торговли — флорентийцем XIV в. Франческо Бальдуччи Пеголотти: *Francesco Balducci Pegolotti*. La Pratica della mercatura. Ed. by Allan Evans. Cambridge — Mass., 1936, p. 21—23.

³ Генуэзцы имели явное преимущество в Крыму, но венецианцы, хотя и не непрерывно, держали своих консулов как в Солдае, так и в Каффе. Это, однако, не означало, что венецианцы имели от татар право на данные места — такого права они добились только в Тане. Сведения о венецианских консулах в Крыму (в конце XIII в. в Солдае, в XIV—XV вв. в Каффе) см. *Fr. Thiriet*. Délibérations des assemblées vénetiennes concernant la Romanie, t. I. Paris, 1966, p. 55 (rubr., 124), p. 60 (rubr. 144), p. 67 (rubr. 176, 178), p. 221—222 (doc. 572—574), а также *Е. Ч. Скржинская*. Барбаро и Контарини..., стр. 191 и 213.

Не в пример генуэзским колониям в Крыму, изобилующим историческими памятниками — архитектурными, археологическими и большой группой эпиграфических⁴, от средневековой Таны не сохранилось следов ее прошлого (если не считать незначительных остатков крепостных ворот)⁵. К тому же на месте итальянской Таны (иначе — татарского Азака) ныне расположен город Азов, что, конечно, препятствует проведению систематических раскопок.

Единственным пока памятником реальной Таны XIV в. является мраморная надгробная плита 1362 г.

В 1889 г. в Азове при прокладке водопроводных труб нашли на дне канавы несколько обломков мраморной плиты. Будучи сложены, они составили высокую стелу (ее размеры 184 × 92 × 9 см) с высеченной на ней латинской надписью и со следами изображения герба. Этой плитой, как видно из текста надписи, было отмечено место погребения консула Таны Якопо Корнаро, скончавшегося в августе 1362 г.

В 1890 г. по решению Археологической комиссии в Азове были произведены раскопки на том самом участке, где за год до того нашли плиту Корнаро⁶. Здесь обнаружили глубоко вбитые в землю сваи, которые служили для укрепления фундаментов каменных построек. Подобный прием при возведении домов в Тане был обязателен ввиду заболоченности почвы: в документе 1333 г. о застройке отведенной татарами для венецианцев территории указывалось на необходимость повысить уровень строительной площадки и укрепить фундаменты сваями⁷.

Вокруг частично сохранившегося фундамента здания (вероятно, это была церковь) лежали человеческие скелеты и разрозненные кости, а также попадались обломки мраморного карниза грубой работы. По-видимому, раскопки открыли местное кладбище или следы погребений привилегированных лиц, которых обычно хоронили близ стен храма. В связи с этими наблюдениями археологи сочли возможным утверждать, что плита с надписью консула Корнаро вплоть до раскопок XIX в. оставалась на своем первоначальном месте. Добавим только следующее: толщина плиты незначительна (9 см), и потому едва ли она лежала на могиле: более вероятно, что эта довольно тонкая стела была вделана в стену церкви над местом погребения консула.

После раскопок все фрагменты плиты — они сохранились до нашего времени, их всего девять — были переданы в Донской войсковой музей в Новочеркасске; ныне плита Корнаро хранится в том же городе, в Музее истории донского казачества.

Найденное более 80 лет назад надгробие Якопо Корнаро никогда не исследовалось и не было научно издано. В связи с его находкой о нем были даны лишь краткие сведения в уже упомянутом Отчете Археологической комиссии за 1890 г., где сообщалось о раскопках в Азове, на месте этой находки. Кроме того, небольшая заметка редакции о плите Корнаро, основанная на материале, который был доставлен есаулом Х. И. Поповым, известным краеведом Ростовской области (ум. в 1925 г.), помещена

⁴ E. Skrzinska. *Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée (Théodosie, Soudak, Balaklava)*. — *Atti della Società Ligure di storia patria*, vol. 56. Genova, 1928; E. Ч. Скржинская. Новые эпиграфические памятники средневекового Крыма. — Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958, стр. 155—175 (То же на итальянском языке: E. Skrzinskaja. *Iscrizioni genovesi di Sudak*. — *Miscellanea storica ligure*, vol. III. Milano, 1963, p. 57—67).

⁵ В 1935 г. около ворот были произведены раскопки экспедицией Ростовского областного бюро охраны памятников. См.: «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения под редакцией В. В. Гольмстен». М.—Л., 1941, стр. 206—208.

⁶ «Отчет Археологической комиссии за 1890 год». СПб., 1893, стр. 40—44.

⁷ *Diplomatarium Veneto-Levantinum*, t. I. Venezia, 1870, p. 243—244, doc. 125, a. 1333.

в «Трудах XII Археологического съезда в Харькове»⁸; транскрипция надписи сделана неумело и страдает неточностями. Никогда не публиковалось и изображение самой плиты Корнаро, но была сделана приблизительная прорись надписи, приложенная к «Отчету Археологической комиссии»⁹ и повторенная в «Альбоме рисунков» из отчетов той же комиссии¹⁰ (о дефектах прориски см. ниже).

В наше время о плите Корнаро упомянул в популярной книжке историк и археолог Нижнего Подонья Б. В. Лунин, приведя текст надписи в русском переводе; перевод, к сожалению, неполно и неточно передает слова и стиль эпитафии XIV в.¹¹

Существует неплохое изображение плиты Корнаро, отпечатанное с фотографии для каталога экспонатов Новочеркасского музея. Этот каталог, составленный Х. И. Поповым, остался незаконченным; он сохранился в виде несброшюрованных немногих таблиц и пояснений к отдельным из них; пояснение к плите 1362 г. не было, по-видимому, написано.

Надгробие Якопо Корнаро с его довольно пространной, содержательной и представляющей интерес для историка надписью заслуживает как научного анализа, так и соответственного опубликования.

Надгробная надпись Корнаро расположена на 8 строках; две последние строки пересечены верхней частью герба, спускающегося заостренным концом значительно ниже текста. Поверхность плиты под гербом оставлена гладкой, без букв или изображений.

Общий вид надписи красив и изыскан. Он свидетельствует об искусстве резчика, о его уверенной манере, его твердой, умелой руке. Линии строк безусловно прямые, буквы отстоят друг от друга на равных расстояниях (кроме, конечно, лигированных пар букв) и одинаковы по высоте (около 4 см); слова разделены точками.

Письмо определяется как известный, широко распространенный в Северной и Средней Италии, вполне выработанный в своих лучших образцах эпиграфический шрифт. Он сформировался в XIII в., господствовал в течение всего XIV в. и отчасти применялся в начале XV в. Его можно изучать на множестве памятников: по надписям на постройках, на предметах прикладного искусства, на надгробных плитах, уцелевших в средневековых церквях итальянских городов. При разном уровне техники и

Рис. 1. Надгробие Якопо Корнаро в Танае. 1362 г. Музей истории Донского казачества, Новочеркасск.

⁸ «Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 г.», т. II, М., 1905, стр. 519.

⁹ «Отчет Археологической комиссии за 1890 год», стр. 41, рис. 20.

¹⁰ См. «Отчеты Археологической комиссии за 1882—1898 гг.» СПб., 1906 (далее — Альбом), стр. 23, рис. 127.

¹¹ Б. В. Лунин. Очерки истории Подонья и Приазовья, кн. I. От древнейших времен до XVII столетия. Ростов-на-Дону, 1949, стр. 162. По сообщению нынешнего директора Музея истории донского казачества в Новочеркасске, русский перевод надписи, цитируемый Б. В. Луниным, был сделан «императорским российским консулом в Венеции» (по-видимому, вскоре после помещения плиты в музей).

художественности исполнения это эпитафическое письмо обычно повторяло установившиеся формы как в дукте отдельных букв, так и в общем виде шрифта.

Рисунок букв выдержан; есть варианты, но они редки. Например, две формы *g*: округлая или заостренная внизу (*egregius*, *Gaçarie*); две формы *i*: обычная капитальная или со спускающимися до нижней строки боковыми элементами перекладки (*iacet*, *mandato*, *requiescat*); две формы *u*: обычная или подобная *v* (*ducali*, *totum*, *egregius*). Изящны слегка спускающиеся под строку тонкой загнутой линией правые элементы букв *h* (слово *hic*), *m* (*comes*), *n* (*consul*). Типичны для эпитафического письма XIV в. в Италии формы букв *e* (закрытое *e* — *die*, *iacet*), «*l*» (поднятое почти до верхней строки — *consul*, *nobilis*, *honorabilis*, *ducali*), *m* (с изогнутыми боковыми элементами — *comes*, *mandato*)¹².

Повторяем, что до сих пор не опубликована ни одна фотография плиты с надписью 1362 г., но издана только рисованная от руки копия надписи (без сопровождающего исследования)¹³. Эта прорись, к сожалению, искажает строгий и точный рисунок букв: на ней они кажутся выведенными нетвердой, дрожащей рукой; там, где в оригинале прочерчены тонкие, почти волосные линии, в прориси они даны грубовато, с излишними выходами за пределы строки, отчего нарушается ровность строк, придающая надписи аккуратность и элегантность. Общий вид письма на прориси получается как бы «растрепанный», лишенный ясности и твердых красивых линий.

Приводим свою транскрипцию надписи Якопо Корнaro:

1. MCCCLXII · die · XVIII · mensis · augusti
2. hic · iacet · egregius · et · nobilis
3. vir · dominus · Iacobus · Cornario · honorab
4. ilis · comes · Arbensis · et · de · duca
5. li · mandato · ambasi · ator · et · consul
6. in · Tana · et · per · totum · inperium · Gaçarie · qui
7. obiit · anima · cuius · in
8. pace · requiescat

П е р е в о д:

1. В 1362 году, в день 18-й месяца августа.
2. Здесь лежит превосходный и благородный
3. муж, господин Иаков Корнарo, достопочтенный
4. граф Арбский и по мандату
5. дожа посол и консул
6. в Тане и во всей империи Газарии. Он
- 7—8. умер, да упокоится душа его в мире.

Относительно герба, замыкающего текст эпитафии, трудно что-либо сказать, так как его поверхность сглажена (или же резчик не успел ее заполнить). Незаконченный герб представляет собой щит, разделенный на две половины вертикальной линией: это так называемый — в итальянской геральдике — *scudo partito*¹⁴. В верхнем углу правой половины щита¹⁵ видны намеки на какое-то, теперь едва заметное украшение (цветок или часть короны?). Род Корнарo — один из виднейших в Венеции — делился

¹² Отметим, что на большинстве итальянских надписей XVI в. буква *s* обычно бывает тоже закрытая, но в шрифте надписи Корнарo она везде открытая.

¹³ «Отчет Археологической комиссии за 1890 год», стр. 41, рис. 20 (прорись); Альбом, стр. 23, стр. 127 (повторена та же прорись).

¹⁴ См., например, *Guelfo Guelfi. Vocabolario araldico ad uso degli italiani*. Milano, 1897. (Manuali Hoepli), № 662: «*scudo partito — diviso per metà da una linea verticale passante per il centro*».

¹⁵ Правая и левая стороны определяются в геральдике не от зрителя, а от герба.

на пять ветвей; каждая из них имела свои особенности на гербе. Герб Корнаро действительно был *scudo partito*, как это и показано на плите 1362 г., причем половины его должны были быть золотой и лазоревой. На одной из разновидностей герба Корнаро, относящегося к ветви этого рода, изображалась корона, расположенная на обеих половинах щита¹⁶. Может быть, такой именно герб и должен был украшать надгробие Якопо Корнаро.

Вернемся к тексту эпитафии. Он не совсем похож на текст надписей обычных надгробных плит, которые нередко встречаются на территории итальянских колоний, например, в Крыму. Они в большинстве своем относятся к рядовым людям, и, как правило, кратки, не содержат ничего, кроме имени умершего (известного в течение некоторого времени жителям поселка, где он умер, или его соседям по городской улице) и традиционных слов об «упокоении» его души; на подобных «памятниках» почти никогда не ставили даты смерти. Такова среди других надпись надгробия некоего Иоанна Робеллы: *Hic iacet Iohannes Robella, cuius anima requiescat in pace*¹⁷. Эпитафия консула-посла Якопо Корнаро также имеет два указанных элемента (имя и заупокойную формулу), но, кроме них, содержит еще и другие сведения, ценные для современного историка; это — хронологическая дата и несколько определений умершего, переданных точно и даже с подробностями. Поэтому надпись Корнаро, правителя Таны и полномочного представителя Венецианской республики — ее посла, — отличается чертами официальности и парадности, что еще усиливается ее тщательным исполнением.

Из расширенного, хотя и традиционного, текста эпитафии (дата, эпитеты, почетные титулы и служебные звания, заключительная формула) наибольший интерес, кроме даты, всегда имеющей существенное значение, вызывает имя умершего со всеми его определениями.

Несколько слов о Якопо Корнаро. Он принадлежал к одному из знатнейших и древнейших домов Венеции — *Cornario*, *Cornago* или *Corneg*. Через три года после смерти Якопо один из представителей его рода, Марко Корнер, стал дожем (1365—1368); сам Якопо назван *egregius et nobilis vir* и носит титул графа Арбского, *comes Arbensis*¹⁸ Политической деятельностью он занимался, с одной стороны, как консул Таны, с другой — в качестве посла, избранного, как полагалось, венецианским Большим советом и утвержденного мандатом дожа (*de ducali mandato*)¹⁹.

Именно эти сведения, сообщаемые эпитафией из Таны, — о консульстве и одновременно о миссии посла, — могут быть освещены благодаря соответствующим письменным источникам²⁰.

Деятельность Якопо Корнаро в связи с его двойным назначением — консулом в Тану и послом в Золотую Орду — протекала в атмосфере еще не вполне налаженных отношений с татарами после войны 1350—1355 гг. между Венецией и Генуей. По мирному договору обе республики обязались не посылать своих кораблей к берегам Черного моря в течение трех лет. Срок запрета истек в июле 1358 г., но уже в марте этого года

¹⁶ J.-B. Rietstap. *Armorial général précédé des termes de blason*, t. I. 2e éd. Gouda, 1884, p. 463.

¹⁷ E. Skržinska. *Inscriptions...*, p. 97, № 35.

¹⁸ Arbe (или Раб — на сербско-хорватском языке) — небольшой остров в заливе Кварнеро у северной части далматинского побережья близ островов Cherso (Црес) и Veglia (Крк).

¹⁹ Дожем был тогда Джованни Дольфин (1356—1361.)

²⁰ Имеются в виду постановления венецианского сената, касающиеся Романии, т. е. венецианских колоний в Восточном Средиземноморье и на берегах Черного и Азовского морей. Содержание этих документов в виде достаточно подробных реперт представил в своем издании французский ученый Фр. Тирье: *Fr. Thiriet. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie, I—III*. Paris, 1958—1961 (далее — *Thiriet*, номер и дата документа).

венецианский сенат вынес решение о необходимости направить (пока предварительно) к татарскому хану двух послов, которым надлежало добиваться немедленного возобновления договора о территории Таны и прежних привилегий для венецианских купцов, а также восстановления свободной торговли в татарских областях и безопасности передвижения по степям. Были избраны и согласились на подобную миссию Джованни Кверини и Франческо Бон; они получили от своего правительства сначала «комиссию» (*commissio*), т. е. инструкцию относительно их действий при золотоордынском дворе и переговоров с ханом, а перед самым отъездом им был вручен так называемый «синдикат» (*sindicatus*), т. е. официальный документ, подтверждающий их посольские полномочия. Весной 1358 г. они отбыли в Тану, откуда обычно начинался путь в ханскую ставку²¹.

Переговоры венецианских послов с ханом были, по-видимому, успешны, потому что правительство республики, стремясь не пропустить срока окончания перерыва плаваний в Тану, поторопилось послать туда первого — после войны 1350—1355 гг. — консула. Им стал Пьетро Каравелло, которому поручили восстановить Тану, как важнейшую колонию в системе венецианской торговли. Ему было разрешено истратить 80 соммов на постройку консульского дома: вероятно, в Танае за три года затишья в торговле подверглись разрушению здания, принадлежавшие венецианцам²².

Лишь только наладились дела, в Венецию пришло известие об убийстве хана Бердибека (в 1359 г.). При вступлении на престол нового хана полагалось возобновлять все договоры, касавшиеся торговли на территории Татарии, и потому венецианский сенат постановил немедленно направить двух послов к новому правителю Золотой Орды. Однако не нашлось ни одного человека, который согласился бы ехать туда послом. Сенат, чтобы преодолеть это затруднение, решил поручить миссию посла вновь назначенному очередному консулу Таны. На время поездки в ханскую ставку консул должен был оставить в Танае своего заместителя — вице-консула²³. Консулом-послом и оказался Якопо Корнаро.

На страницах сохранившихся в архивах до нашего времени многочисленных томов регистров, содержащих постановления венецианского сената, нет текста документа о назначении именно Якопо Корнаро консулом в Тану, хотя серия регистров, известная под архивным названием *Misti*, включает интересующие нас годы: это регистры № 29 и 30 за период с апреля 1359 по апрель 1363 г.²⁴

Можно предположить, что имя Якопо Корнаро вовсе не было названо в соответствующих документах (либо эти документы затерялись), потому что его кандидатура определилась только в последний момент и подготовка документов (посольской «комиссии» и посольского синдиката) происходила в самом спешном порядке. Текст анализируемой эпитафии дает возможность историку узнать, внести в историю дипломатии имя человека, согласившегося взять на себя трудную и — судя по политической обстановке в Орде — опасную роль посла в глубинах донских и волжских степей вместе с постом консула в столь же нелегких условиях жизни в Танае. В этом тексте ясно сообщается об официальном положении умершего, который являлся одновременно и послом Венецианской республики, и консулом одной из наиболее ценных ее колоний. Можно даже думать, что случай подобного «удвоения» дипломатической миссии венецианского представителя в степях Приазовья и Подонья был первым

²¹ *Thiriet*, doc. 324, a. 1358, Mart. 22; doc. 325, a. 1358, Apr. 12—22.

²² *Ibid.*, doc. 335, a. 1358, Jul. 20.

²³ *Ibid.*, doc. 355, a. 1360, Jan. 14; doc. 358, a. 1360, Febr. 27; doc. 363, a. 1360, Maii 21 (эти три документа отражают историю назначения Якопо Корнаро послом к новому хану Золотой Орды).

²⁴ О серии регистров, именуемых *Misti*, см. *Thiriet*, t. I, p. 10—11.

в практике Венеции. Несколько лет спустя, в 1369 г., эта практика была повторена; сенат решил поручить отбывающему в Тану очередному консулу в течение четырех месяцев после прибытия в колонию отправиться послом в Орду. В постановлении сената специально указывалось — по видимому, на основе опыта с Якопо Корнаро, — что консул будет носить звание «посла и консула»²⁵; судя по всему, именно это впервые употребляемое официальное определение, причем в полной, развернутой форме, и выражено в эпитафии Корнаро.

Направление «посла и консула» в далекие восточные страны, где царили весьма запутанные политические отношения, конечно, требовало от него дипломатического искусства. В связи с этим надо отметить, что не только отбираемые для Таны консулы, не говоря уже о послах к татарским ханам, но и проживавшие или временно задерживавшиеся в Тане купцы, люди, закаленные в самых рискованных путешествиях²⁶, были вполне осведомленными в международных делах политиками, которые при надобности становились и дипломатами²⁷. Нельзя не подчеркнуть здесь же, что Тана в силу своего географического положения находилась не только на непосредственном продолжении морского пути, соединявшего Венецию с Византией, но и в орбите самого Константинополя. Отсюда проистекал еще больший политический опыт людей, деятельность которых развертывалась в Северном Причерноморье и в Приазовье. К числу таких политических и торговых деятелей венецианской экспансии на средиземноморский Восток принадлежал, несомненно, и Якопо Корнаро.

В какой же политической обстановке пришлось действовать этому «послу и консулу»? Что происходило в Золотой Орде в 50—60-е годы XIV в.?

Известно, что при уже сложившейся монгольской империи (а она протянулась от берегов Желтого и Японского морей до Северного Причерноморья и Поднепровья) западная ее часть, так называемый Улус Джучи²⁸, иначе — Золотая Орда, во второй половине XIII в. стала крупным самостоятельным государством. К началу XIV в. она разделялась на две Орды, причем более западная из них, охватившая половецкие степи (Дешт-и-Кыпчак), Северное Причерноморье (с Крымом), Северный Кавказ, Поволжье (с Булгаром), и стала той собственно Золотой Ордой, сведения о которой весьма значительны в русских летописях.

Феодално-кочевое государство Золотой Орды за три столетия (XIII—XV вв.) пережило в довольно быстрых темпах периоды становления и начального роста, краткого расцвета, а затем ослабления и падения²⁹. В 1236 г. завоевание монголами основной части Улуса Джучи, а именно всего Дешт-и-Кыпчака, было закончено и во главе нового государства стал его основатель, сын Джучи и внук Чингисхана — Бату, или Батый (1236—1256). А уже с конца 50-х годов XIV в. начался распад Золотой Орды.

²⁵ *Thiriet*, doc. 467, а. 1369, linc. 3.

²⁶ Из числа этих купцов избирался в Тану совет 12, состоявший при консуле.

²⁷ Наиболее ярким примером купца и дипломата был в XV в. венецианец Иосафат Барбаро, занимавшийся в Тану торговлей в течение 16 лет подряд, а в старости ездивший послом в Персию к Узун-Хасану с труднейшим дипломатическим поручением своей республики. См. *Е. Ч. Скржинская*. Барбаро и Контарини..., стр. 64—85.

²⁸ По имени Джучи, старшего из четырех сыновей (от главной жены) Чингисхана.

²⁹ О политической, социально-экономической и отчасти культурной истории Золотой Орды в советской историографии имеется серьезная книга, крайне полезная для историков различного профиля (специалистов по Древней Руси, Византии, Италии, Северному Причерноморью и Кавказу): *Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский*. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950. А. Ю. Якубовским написаны введение, ч. I (о сложении и расцвете Золотой Орды) и ч. III (об ее падении), что составляет более трех четвертей всего труда. Б. Д. Грекову принадлежит ч. II (об отношениях между Русью и татарами). Солидным исследованием является и монография Б. Шпулера: *B. Spuler*. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland (1223—1502). Leipzig, 1943 (далее — *B. Spuler*).

Итальянские купцы появились и крепко обосновались в Северном Причерноморье, несомненно, благодаря тому, что уже первые золотоордынские ханы (Батый, его брат Берке и др.) в XIII в., а за ними и ряд ханов XIV в. хорошо понимали, какое значение для их государства может иметь международная торговля на его территории и насколько крупным окажется постоянный приток денежных средств в их казну от повсеместного — особенно в морских портах — взимания той или иной торговой пошлины (коммеркия). В течение второй половины XIII в. и большей части XIV в. правительство Золотой Орды активно поощряло торговлю в пределах своих владений, выдавая привилегии иностранным купцам и предоставляя в их распоряжение различные удобные для торговых целей населенные пункты (или же места для основания таковых) на золотоордынской земле.

Период процветания Золотой Орды и усиленного покровительства ее правителей городам и торговле связан с именами знаменитых ханов первой половины XIV в.³⁰ Их имена (хотя и искаженные порой как в итальянских, так и в русских источниках) были хорошо известны в Италии. Правительства итальянских городских республик, в первую очередь Генуи и Венеции, а также ректоры их колоний в Константинополе неустанно следили за политикой правителей Золотой Орды, за их раздорами, за их международными связями. В Венеции и дож, и Большой совет, а особенно сенат, как центр руководства внешней политикой республики, регулярно занимались организацией посольств в Золотую Орду³¹. По преимуществу послам поручалось при переговорах с ханами посредством просьб и поднесения подарков укреплять, а в случае конфликтов налаживать положение торговых колоний, размещавшихся на территории Орды, и особенно добиваться привилегий для купцов, главным образом в области торговых пошлин, влиявших на уровень барышей. Как правило, татары брали самую низкую пошлину с генуэзцев, фактических хозяев торговли в Константинополе и в Крыму. Венецианцы же платили более высокий коммеркий. Подобное «худшее» положение в международной торговле не соответствовало престижу их богатой и могущественной республики перед лицом ее соперницы — Генуи.

К концу 50-х — началу 60-х годов XIV в., т. е. ко времени посольского путешествия Якопо Корнаро в Тану и в татарские степи, политическая обстановка в Золотой Орде резко изменилась. До сих пор жизнь этого государства, хотя и нарушалась иногда феодальной рознью, протекала в рамках достаточно твердой власти хана, признанной на всей относительно прочно объединенной территории. Но после смерти хана Джаныбека (в 1357 г.) к концу недолгого правления его сына Бердибека (до 1359 г.) все расстроилось: началась повсеместная усобица.

Как известно, весьма богатым источником (порой даже единственным), снабжающим нас сведениями по истории Золотой Орды, являются русские летописи³². Для интересующего нас периода существенные сообщения содержат: Троицкая и Никаноровская летописи, Сокращенные летописные своды 1493 и 1495 гг., Московский летописный свод конца XV в. и

³⁰ Тохта (1290—1312); Узбек (1312—1342); Джаныбек (1342—1357); Бердибек (1357—1359).

³¹ *Thiriet*, doc. 138, a. 1342, Mart. 16; doc. 169; a. 1344, Apr. 28; doc. 201, a. 1347, Jun. 19; doc. 203, a. 1347, Jul. 14; doc. 248, a. 1350, Aug. 28.

³² Следует тут же отметить, что, кроме летописей (преимущественно для уточнения неясной хронологии истории Золотой Орды), надежным источником служат дошедшие до нас золотоордынские монеты, которые чеканились в различных пунктах татарских владений, соответственно передвижениям ханских ставок: в Сарае, Гюлистане, Булгаре, Азаке (т. е. в Азове, Тане), даже в персидском Тебризе (когда он был временно захвачен ханом Джаныбеком) Ср. *B. Spuler*, S. 112—121; см. также: *Б. Д. Греков* и *А. Ю. Якубовский*. Указ. соч., стр. 264—265, 271, 274—280 и др.

конечно, обнимающая громадный материал ряда предшествовавших ей летописей Никоновская (иначе Патриаршая) летопись³³.

На страницах обширных летописных текстов в описаниях событий второй половины XIV в. стало часто появляться выразительное слово «замятня», т. е. мятеж, раздор, распря, усобица. Таким образом термином летописцы определяли комплекс явлений беспокойного, полного неопределенности и опасностей времени в условиях либо весьма ослабевшей ханской власти, чуть не ли безвластия, либо дробления ее в среде жестоко враждующих между собой уже не единовластных золотоордынских ханов, а ханов мелких, можно сказать — местных, сидевших на шатких тронах весьма краткие сроки.

Впервые в летописях о «замятне» в Орде для этого периода сообщается под 6865 г. (= 1357 г.) в связи со смертью хана Джаныбека, которого убил его сын и соперник Бердибек: «замятня доспела (настала, приключилась) в Орде», «в Орде тогда замятня была велика», «в то время возсташе вражда и замятня велия в Орде», «замятня во Орде не престаша, но паче воздвизашесе»³⁴. Претенденты на ханский престол убивали предшественников и сами, пробыв у власти немного времени (иногда даже только несколько дней), оказывались жертвой следующих претендентов: «бысть в Орде мятеж силен, мнози цари побиени быша, и царици, и царевичи, и рядци (советники) иссекошася межи себе»³⁵. За двадцатилетие с 1360 по 1380 г. (после чего воцарился Тохтамыш) сменилось 25 ханов³⁶.

В раздираемой «замятней» столь еще недавно сильной татарской державе участились случаи тиранического захвата власти опиравшимися на достаточно многочисленное войско крупными военачальниками — эмирами или нойонами. Особенно яркой фигурой был темник Мамай, властвовавший в татарских степях в течение двух десятков лет (1361—1380). Не являясь представителем династии Чингисхана, он неизменно держал при себе «подставного», и, конечно, бессильного хана-марионетку только по той причине, что тот был чингисид по рождению и потому мог законно сидеть на престоле потомков Джучи.

Одним из следствий «замятни» в Орде были постоянные переходы из рук в руки не обозначенных четко в своих границах территорий. Отсюда — опасность прохождения по неизвестно кому принадлежавшим на каждом данном участке путям, неясность, попадет ли путник (в большинстве случаев купец) со своим имуществом в нужный ему пункт, достигнет ли посольство цели своего путешествия.

В такой-то трудной и сложной обстановке, чреватой политическими неожиданностями, постоянным риском не вернуться на родину, и предстояло действовать венецианцу Якопо Корнаро, послу ко двору неясно какого хана.

В Венеции напряженно ждали известий из Таны, чтобы быть в курсе событий в Орде, но сведения о них в пору анархии были почти всегда сбивчивыми и поступали с большим опозданием. Между тем в Орде появ-

³³ Названные летописи изданы в следующих томах Полного собрания русских летописей (ПСРЛ): Никаноровская летопись и Сокращенные летописные своды — т. 27. М.—Л., 1962; Московский летописный свод — т. 25. М.—Л., 1949; Никоновская летопись — т. 10. М., 1965 (воспроизведение с издания 1885 г.). Оригинал Троицкой летописи сгорел в пожаре 1812 г. в Москве. Эта летопись является существенным источником для истории XIV в.; ею — до ее гибели — пользовался Н. М. Карамзин, когда писал «Историю Государства Российского». В примечаниях к «Истории» Карамзин вносил отрывки подлинного текста Троицкой летописи. При помощи этих выписок Карамзина и материалов некоторых других летописей М. Д. Приселков реконструировал текст Троицкой летописи: М. Д. Приселков. Троицкая летопись (реконструкция текста). М.—Л., 1950.

³⁴ Троицкая лет., стр. 376; Моск. свод, стр. 180; Никон. лет., стр. 229; ср. Никанор. лет., стр. 66; Сокращен. своды, стр. 241 и 326.

³⁵ Никанор. лет., стр. 66; Моск. свод, стр. 181; Никон. лет., стр. 232.

³⁶ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 272.

лялись все новые и новые ханы, неизменно остро соперничавшие друг с другом. Особенно осложняли и без того смутную картину случаи одновременных, параллельных правлений враждующих между собой ханов в разных частях то Приазовья, то Поволжья. А к каждому новому хану — таков был строгий обычай у татар — было необходимо отправить посольство для официального возобновления прав на территорию Таны, поступавшей в распоряжение Венецианской республики с персонального разрешения каждого золотоордынского государя. Без возобновления прав пользования территорией колонии или даже небольшой торговой станции на татарской земле невозможно было продолжать торговлю. Это наносило чувствительный удар по экономике метрополии, но одновременно оказывалось пагубным и для Золотой Орды. Одним словом, при смене правителя в Орде на посла, являвшегося к нему с петицией о продлении полномочий на территорию, сдаваемую татарами для использования в торговых целях, ложилась огромная ответственность: он должен был во что бы то ни стало добиться положительного результата переговоров.

Помимо этой основной задачи, послу приходилось решать и другие немаловажные вопросы: ходатайствовать о снижении размера торговых пошлин с ввозимых и вывозимых товаров, в случае необходимости требовать возмещения убытков в пользу потерпевших урон купцов, если ущерб был нанесен в пределах золотоордынских владений, и т. п.

Мы не имеем источников, в которых сообщалось бы о том, что посольство Якопо Корнаро состоялось и что оно достигло цели. Мы располагаем только более чем сжатой информацией, содержащейся в единственном памятнике — надгробии с надписью об умершем в Тане в августе 1362 г. Якопо Корнаро, который, как отмечено в надписи, был консулом в Тане и послом Венеции в Золотую Орду. Тем не менее мы допускаем, что посольство Якопо Корнаро совершилось, что венецианскому послу, несмотря на значительные трудности, удалось побывать в ставке татарского хана и выполнить свою дипломатическую миссию.

В связи с этим можно попытаться ответить на естественно возникающие вопросы:

1. К какому хану мог направиться Корнаро?
2. Каких привилегий добился он для венецианских купцов?

Период, когда Корнаро находился в Приазовье (1360—1362) и исполнял обязанности как консула, так и посла, отличался особенно сильными внутренними волнениями³⁷ в татарском государстве³⁸. Венецианский посол должен был проехать по стране, где царил «глад великий» и «замятня многа» и где эмиры, иначе — темники («князья Ординтии»), вели борьбу как между собой, так и с приходившими из-за Волги царевичами из рода Чингисхана. И темники, и царевичи, добиваясь власти и престола, «не престояху межи собою ратующеся, и биющеся, и кровь проливающе»³⁹.

В это смутное время в Орде менялись ханы, часто лишь номинально возглавлявшие государство, а на деле способствовавшие анархии. Хронологические пределы их призрачных царствований трудно установить: они как бы наплывали одно на другое⁴⁰.

³⁷ Шпулер определяет их как гражданскую войну.

³⁸ «Апогей золотоордынской междоусобицы» — так А. Ю. Якубовский определяет начало 60-х годов XIV в. в Орде (указ. соч., стр. 275). Летописи свидетельствуют об анархии в Орде уже с конца 50-х годов, после смерти хана Джаныбека.

³⁹ Моск. свод, стр. 181; Никон. лет., стр. 233.

⁴⁰ К сожалению в современном английском справочнике Босворта (The Islamic Dynasties. A chronological and genealogical Handbook. By C. E. Bosworth. Edinburgh University Press, 1967), недавно вышедшем в русском переводе (К. Э. Босворт. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Перевод с английского и примечания П. А. Грязневича. М., 1974), на таблице золотоордынских ханов (стр. 203) время с 1357 по 1380 г. названо вообще «периодом анархии»; не выделено, хотя бы приблизительно, время правления отдельных ханов, а их имена даже не перечисляются.

Вот эти ханы, известные нам главным образом по русским летописям: Науруз, по летописи Наврус (1359—1360)⁴¹; Хызр, по летописи Хидырь, Кидырь (1360—1361); Темир Ходжа, по летописи Темир Хожа, Темир Хозя (один месяц в 1361 г.); тогда же параллельно появились два хана: Мурад (по летописи Мурут, Умарут, Мурат, Амурат) и Абдаллах (по летописи Авдула)⁴².

Мурада, чингисида по рождению, назвали своим ханом «князи Сарайские», которые после убийства хана Хидыря и бегства его сына Темир Ходжи «затворились» в Сарае⁴³ и удерживали за собой татарскую столицу. В летописях⁴⁴ Темир Ходжа, всего на несколько дней завладевший престолом, обычно называется убийцей своего отца. В Троицкой же летописи — ценном источнике для изучения событий XIV в. — сохранилось другое свидетельство об убийстве Хидыря: «убьен бысть царь Кидырь от своего си брата от Мурута»⁴⁵. Татарские военачальники («князи Сарайские») и были, по-видимому зачинщиками очередной трагедии на фоне общей «замятни» в Орде: они способствовали устранению Хидыря, взяли в качестве подставного хана необходимого им чингисида Мурата (явного противника убитого Хидыря) и изгнали из Сарая Темир Ходжу, как мешавшего им претендента на ханский престол. Таким образом, через безвозвратно исчезнувший источник (Троицкую летопись) выясняются, в общих, конечно, чертах, ход событий из истории наиболее смутного в Орде 1361 г. и обстоятельства воцарения хана Мурада (1361—1362), с которым связано важное для истории Русского государства известие: он поддержал на великом княжении во Владимире московского князя Дмитрия Ивановича, серьезнейшего впоследствии противника и победителя татар в Куликовской битве (в 1380 г.)

В том же 1361 г. другой чингисид, Абдаллах (Авдула), стал ханом при могущественном темнике Мамае, который быстро набирал силу и влияние в степях, пока в Сарае некоторое время еще сохранял власть Мурад, хан «князей Сарайских». Уже в 1362 г. Абдаллах стал хозяином татарской столицы (именно у него в Сарае снова искал поддержки против соперников Дмитрий Иванович Московский, уже имевший ярлык от предыдущего хана Мурада).

Целью всех боровшихся между собой ханов и их покровителей был захват Сарая, центра «Волжского царства», узла торговых и военных путей. Пока ханам не удавалось стать властителями Сарая, они кочевали в степях, находясь же в Приазовье, приближались и к Тане: свидетельствуют об этом сохранившиеся донныне татарские монеты, чеканенные в Азаке — Азове⁴⁶.

Когда летописцы отмечали имена даже кратковременно правивших ханов и проявляли осведомленность о событиях в приазовских и при-

Мы основываем приводимые нами последовательность и годы правления ханов в 1360—1362 гг. на сообщениях русских летописей и на сведениях Б. Шпулера и А. Ю. Якубовского. Транскрипция ханских имен дается по Якубовскому с указанием «русской» формы этих имен, употребляемой в летописных текстах.

⁴¹ Датировка начала правления Науруза оправдана тем, что в январе 1360 г. в Венеции уже знали о новом хане и в связи с этим венецианское правительство решило послать в Орду двух послов (*Thiriet*, doc. 355, а. 1360, lan. 14).

⁴² На короткий срок возник и «третий царь» по имени Кильдибек, вероятно, самозванец, выдававший себя за сына хана Джаныбека. В общем, по летописям, в 1361 г. существовали даже четыре хана одновременно: Темир Ходжа, Мурад, Абдаллах, Кильдибек.

⁴³ Троицкая лет., стр. 378; Никанор. лет., стр. 67; Моск. свод, стр. 181.

⁴⁴ Никанор. лет., 6869 г. (=1361/62 г.), стр. 67; Моск. свод, под тем же годом, стр. 181; Никон. лет., под тем же годом, стр. 233.

⁴⁵ Троицкая лет., стр. 377. В реконструированном тексте Троицкой летописи это свидетельство следует считать принадлежащим ее оригиналу, так как оно дано в выписках Н. М. Карамзина («История Государства Российского», т. IV, прим. 396) Ср. выше, прим. 33.

⁴⁶ Ср. выше, прим. 32.

вожских степях, то основным, надо полагать, поводом для рассказа о татарском государстве и его правителях были для авторов летописей — при описании тяжелой зависимости Руси от татар — периодические поездки русских князей в Орду к каждому новому хану (начиная с Батюя) за ярлыками на княжение в своих вотчинах и на великокняжеском престоле. В Ипатьевской летописи, в статьях, относящихся еще ко второй половине XIII в., разъяснялось: «Тогда бо бяхуть князи Русции в воли татарской»⁴⁷. В Московском своде так рассказано о приеме русских князей ханом Наурузом в 1359 г.: «... седе Науруз на царство, и поидоша к нему в Орду вси князи Русские, и бысть им в Орде ряздел княженьем их, и приидоша вси, каждо их, в свою отчину»⁴⁸. Сообщения о подобных приемах русских князей правящими ханами Золотой Орды в летописях многочисленны.

Нам представляется, что именно эти летописные сведения можно считать косвенным указанием на то, что как раз в один из дипломатических приемов русских князей хан мог принять и венецианского посла. Такие периоды «мирной» деятельности ханов едва ли могли быть длительными, особенно на фоне общей междоусобицы в Орде; надо было с известным искусством выбрать момент для того, чтобы явиться со своими ходатайствами к хану, избегая всевозможных помех и неожиданностей, которые могли случиться чуть ли не на аудиенции. Так, например, при четырех русских князьях, приехавших в Сарай за ярлыками на княжение, был убит хан Хидырь (в 1361 г.)⁴⁹. Понятно поэтому, насколько тщательно следовало разузнать, когда хан будет в столице, когда он займется дипломатическими делами и при этом — насколько крепко сидит он на своем троне. Для приехавшего из Италии дипломата последним этапом, где можно было получить наиболее свежие новости по этим вопросам, была Тана.

Итак, к какому же хану мог направиться Якопо Корнаро с конца лета или с осени 1360 г. по лето 1362 г., т. е. именно тогда, когда в Орде, по словам летописца, были «бранные» времена?

Отправляя посольство в Золотую Орду, венецианские сенаторы, руководившие делами внешней политики своей республики, предполагали, что посол постарается выполнить поручение (представиться хану и провести переговоры) в наиболее короткий срок. По документам видно, что при назначении жалованья послам обычно указывалась сумма 400 ливров на четыре месяца с оговоркой, что каждый добавочный месяц должен оплачиваться уже не 100 ливрами, а половиной этой суммы. Ясно, что сенаторы определяли продолжительность посольства в четыре-пять месяцев⁵⁰, поэтому Корнаро не должен был затягивать срок своей поездки в степь.

К хану Наурузу⁵¹ венецианский посол попал едва лимог, так как Науруз принимал русских князей еще весной 1360 г.⁵², а Якопо Корнаро выехал из Венеции не раньше июня этого года. В дальнейшем же поло-

⁴⁷ Ипат. лет.— ПСРЛ, т. II, 1908 (или воспроизведение текста в 1962 г.), стб. 897 и др. О поездках русских князей в Орду см. также Троицкую летопись начиная со стр. 321.

⁴⁸ Моск. свод, стр. 180—181. См. Никанор. лет. (стр. 66): «ходиша вси князи Русские в Орду». Так же в Сокращенных сводах 1493 и 1495 гг., стр. 241—242 и 326. Более подробно см. Никон. лет., стр. 231.

⁴⁹ Никанор. лет., стр. 67; Моск. свод, стр. 181.

⁵⁰ Thiriet, doc. 324, а. 1358, Mart. 22; doc. 363, а. 1360, Maii 21; doc. 369; а. 1361, Jan. 31; doc. 370, а. 1361, Febr. 15.

⁵¹ Мы полагаем, что правление хана Науруза закончилось уже в 1360 г., по видимому, осенью. Якубовский датирует смерть Науруза 1361 г. (указ. соч., стр. 273).

⁵² В летописях, начиная с Троицкой (стр. 377), одинаково передается твердая, ориентирующая нас дата: выехав из Орды весной 1360 г., князь Дмитрий Константинович Суздальский, получивший ярлык на великое княжение от хана Науруза, вступил во Владимир «за неделю до Петрова дня», что соответствует 22 июня (1360 г.), так как день памяти апостолов Петра и Павла отмечался 29 июня.

жение Науруза осложнилось приходом — весной того же 1630 г. — «царя с востока, именем Хидырь», который затем, убив Науруза, занял «царство Волжское»; по-видимому, это произошло к осени 1360 г.

Надо думать, что все внимание Якопо Корнаро было устремлено на поездку в Сарай к воцарившемуся там Хидырю (или Хызру); по всей вероятности, венецианский посол заключил договор о положении Таны именно с этим ханом. По нашему предположению, высказанному выше, возможно, что Корнаро присутствовал в Сарае одновременно с русскими князьями, среди которых был привезенный своими сторонниками малолетний московский князь Дмитрий Иванович⁵³, а также великий князь Дмитрий Константинович, уже имевший ярлык от Науруза, но спешно приехавший к новому хану (Хидырю), чтобы закрепить свои права на великое княжение во Владимире, особенно в связи с претензиями со стороны московского князя. Неизвестно, состоялся ли прием у Хидыря, успели ли русские князья взять свои ярлыки, сумел ли венецианский посол получить нужные ему грамоты, так как в это самое время с новой силой вспыхнула «замятня» в Орде и при находившихся в Сарае русских князьях Хидырь был убит.

Летописные сообщения еще раз подчеркивают необычайные трудности политической обстановки в татарском государстве в те кульминационные годы (1360—1361) «замятни», в которые венецианский посол должен был посетить двор хана и во что бы то ни стало получить грамоты, необходимые для Таны и бывавших в ней купцов. Якопо Корнаро, несомненно, стесняла срочность этих дел, но не менее его затруднял и выбор подходящего момента для ведения переговоров с татарами. Нельзя, однако, забывать, что, будучи послом, он одновременно являлся и консулом Таны. Это обстоятельство, быть может, давало ему возможность, продолжая оставаться в Приазовье, несколько оттянуть — в ожидании лучшей политической ситуации — осуществление своих посольских обязанностей. Поэтому не исключено, что Корнаро исполнил их (если ему не удалось сделать это при дворе Хидыря), побывав в Сарае у хана Мурада, чингисида «князей Сарайских». Такая поездка в Сарай могла относиться ко времени не позднее лета 1362 г., т. е. к концу жизни Якопо Корнаро (умер 18.8 1362 г.).

Исследование различных источников не позволяет категорически утверждать, что Якопо Корнаро действительно провел порученные ему переговоры о торговой колонии венецианцев в Тане с одним из необычайно быстро сменявшихся в 1360—1362 гг. ханов Золотой Орды. Но некоторые дополнительные данные подкрепляют предположение, что он выполнил свою дипломатическую миссию.

По сохранившимся в архивах Венеции «комиссиям», т. е. инструкциям, которые венецианский сенат вручал послам республики, ехавшим в Орду в 60-х годах XIV в., можно судить о программе дипломатических переговоров преимущественно в тех случаях, когда послы должны были непременно явиться в ставку нового хана в начале его правления.

Первым пунктом, который обычно не вызывал споров, было подтверждение прав Венеции на территорию Таны как торгового порта. Это выражалось в возобновлении пакта между Ордой и Венецией относительно Таны, с включением в него привилегий венецианским купцам в области их торговой деятельности. Особое место в переговорах занимал вопрос о возмещении убытков купцам, пострадавшим от подданных хана в пределах татарских владений. Этот вопрос либо разрешался (целиком или частично), либо откладывался по обоюдному согласию. Наиболее затруднительными, но и наиболее животрепещущими были прения о размере торговых пошлин, иначе коммеркия; вопрос этот всегда оставался главным, причем для обеих договаривавшихся сторон. Регулирование про-

⁵³ Дмитрий Иванович родился 12 октября 1351 г., в 1361 г. ему едва было 10 лет.

цента коммерция, взимавшегося в пользу татар с товаров, потоком проходивших через Тану, требовало от представителя Венеции крайней настойчивости в соединении с дипломатической гибкостью. Сенат предписывал послу добиваться от татарского правительства снижения размера пошлины с 5% (как платили тогда татарам венецианцы) до 4%, а если бы удалось, то и до 3% ⁵⁴, т. е. до уровня того наименьшего коммерция, который в то время платили татарам генуэзцы, постоянные торговые соперники венецианцев.

Не располагая сведениями о результатах вероятных переговоров, которые вел Корнаро с татарами, мы тем не менее имеем основание считать, что при обсуждении размера торговой пошлины был достигнут успех: консулу, ехавшему в 1369 г. в Тану, предлагалось отправиться послом в Мамаю и добиться снижения коммерция до 3%, но уже не с 5, а с 4% ⁵⁵, и, таким образом, уравнивать венецианцев с генуэзцами, давно платившими татарам только 3% со стоимости товаров. Отсюда следует, что Якопо Корнаро в переговорах с татарами во время посольства к хану Хидырю или же к Мураду добился уменьшения коммерция для венецианцев с 5 до 4%. В сенатском постановлении 1369 г. уже нет упоминания о пятипроцентном коммерции.

Привлекает внимание и другой документ, датированный январем 1363 г. (пять месяцев спустя после смерти Якопо Корнаро). В постановлении сената объявлялось об увеличении годового жалованья нового (следующего после Корнаро) консула Таны ⁵⁶. По-видимому, общее положение этой колонии в условиях серьезных политических осложнений в золотоордынском — уже распадающемся — государстве, заставило правительство Венеции учесть и трудность, и опасность деятельности на далекой периферии Средиземноморья. Возможно, что эти соображения были вызваны (или усилены) как отчетами Корнаро, так и его, надо думать, неожиданной смертью. Теперь годовой оклад консула возрос с 70 ливров (большими денариями — grossi) до 110 ливров ⁵⁷. Кроме того, консул получил право расширить штат своей свиты и охраны, а также в пять раз увеличить расходы на нужды консульской конторы в Тане.

Наконец, известным доказательством того, что Корнаро действительно провел — и успешно — переговоры в Золотой Орде, является упоминание о мандате дожа послу Венецианской республики, включенное в текст надписи на его надгробной плите. Едва ли торжественные слова *de ducali mandato ambasiator* были бы высечены на мраморном надгробии человека, который не был фактически послом своей родины.

* * *

Завершая исследование надгробной плиты Якопо Корнаро, необходимо отметить одну примечательную особенность в тексте эпитафии. Там полностью приведено официальное звание венецианского дипломата, который был «консулом в Тане и во всей империи Газарии».

⁵⁴ *Thiriet.*, doc. 355, a. 1360, Jan. 14. Здесь содержится инструкция двум послам, которых сенат собирался направить в Золотую Орду к новому хану, но не отправил ввиду отказа намеченных лиц; эта же инструкция могла быть затем передана консулу Таны Якопо Корнаро, которому предстояло отправиться из Таны послом к новому хану.

⁵⁵ *Thiriet.*, doc. 476, Jun. 3.

⁵⁶ *Thiriet.*, doc. 398, a. 1363, Jan. 19. Отмечаем тут же, что одновременно было увеличено и жалованье баюла — главы венецианской колонии в Константинополе: оно возросло до 135 ливров (большими денариями) из расчета 2 иперпера за 1 дукат. См. *Thiriet.*, doc. 401, a. 1363, Mart. 11; doc. 406, a. 1363, Maii 13.

⁵⁷ По сохранившимся венецианским документам видно, что в течение ряда лет жалование консулов Таны постепенно возрастало: в 1342 г. с 30 до 60 ливров в год, в 1349 г. — с 60 до 70 ливров, в 1363 г. — с 70 до 110 ливров. См. *Thiriet.*, doc. 141, 219, 398.

Что же разумелось в этом соединении названий, явно географических, но и заключавших в себе некое политическое содержание? Полагаем, что подобная дипломатическая формула должна была выражать размах полномочий посланца Венеции в обширном регионе на юге Восточной Европы, т. е. не только в Тане, где на небольшой площади положение венецианцев было узаконено ханом, но и по всей Золотой Орде («Газарии»).

До сих пор указание на представительное положение итальянских консулов в «империи Газарии» было известно только в отношении генуэзских консулов в Таврике. В тексте надписей, помещавшихся на каффинских башнях и стенах, к концу XIV в. употреблялось также определение консула: *honorabilis consul Caffa et Ianuensium in imperio Gazarie*⁵⁸. Отметим, однако, что на этих парадных монументальных плитах из Каффы (их длина — свыше 2,5 м), с подробными надписями на 15 строках отсутствует прилагательное *totum* при существительном *imperium*.

Современные историки обычно относят название «Хазария» — «Газария» к Крыму, точнее — к его восточной части⁵⁹. Такое определение Таврики — среди византийцев, а затем среди итальянцев, плававших в Черное море, — явилось, несомненно, отголоском пребывания хазар на Таманском полуострове и на востоке Крыма в пору могущества Хазарского каганата (VIII—X вв.). Естественно предполагать, что название «Хазария» родилось на почве византийского Херсона, область которого, если и не соприкасалась с хазарскими владениями на востоке полуострова, все же была в недалеком соседстве с ними и население Херсона — «херсониты» — общалось с хазарами. Весьма выразительно звучит название «Хазария» у Скилицы-Кедрина⁶⁰: в 1016 г. византийский морской флот был послан императором Василием II в «Хазарию» (*σις Χαζαριαν*). Начальник флота Монг подчинил область (или город в этой области)⁶¹ и взял в плен архонта Георгия Цулу. По дошедшей до нас печати этого архонта⁶² выяснилось, что он был византийским должностным лицом — протоспафарием и стратегом Херсона. Следовательно, флот был направлен в ту страну, где находился Херсон⁶³, страну, которая обозначалась понятным тогда для всех именем: «Хазария»⁶⁴.

Это имя стало надолго привычным в Таврике, а затем и во всем Средиземноморье. В XIII в. (примерно в 60-х годах) в основанной генуэзцами главной их колонии на Черном море — в городе Каффа — итальянские пришельцы слышали ходившее среди местных жителей название и восприняли его. Тогда же в системе учреждений республики Генуи появилось особое ведомство по управлению Газарией (*Officium Gazarie*), т. е. территорией, отведенной татарами генуэзцам в области, именовавшейся

⁵⁸ *E. Skrzinska. Inscriptions...*, p. 49 (N 8), p. 52—53 (№ 9), 54 (№ 10). Название Caffa (ὁ Καφᾶς) засвидетельствовано у Константина Порфирородного: *Const. Porph., De administrando imperio*. Budapest, 1949, p. 266, 268, 270 (cap. 53). В XIV в. название Caffa употреблялось в несклоняемой форме (*consul Caffa*); в XV в. это название уже склоняется (*consul Caffe*).

⁵⁹ В. Г. Васильевский был склонен признавать «Хазарией» южную часть Крыма. См. Труды В. Г. Васильевского, т. III. Пг., 1915, стр. CLXXXVI.

⁶⁰ *Georgius Cedrenus. Chronicon*, ed. I. Bekker, t. II. Bonnae, 1839, p. 464 (известно, что в хронике Кедрина период с 811 по 1057 г. представлен текстом, буквально заимствованным из сочинения Скилицы).

⁶¹ Слово *χώρα* может обозначать и область, и город, подобно слову *terra* (в средневековом употреблении), которое обозначало либо землю, область, страну, либо город.

⁶² См. нашу рецензию на кн.: А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес (XII—XV вв.). М.—Л., 1950.— ВВ, VI, 1953, стр. 266—267. Ср. И. В. Соколова. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсонесе.— «Палестинский сборник», вып. 23(86), 1971, стр. 66—74.

⁶³ По-видимому херсониты в 1016 г. проявили (вместе со своим архонтом) оппозицию по отношению к византийскому правительству, что случалось неоднократно.

⁶⁴ См. Н. Ahrweiler. Les relations entre les byzantins et les russes au IXe siècle.— AIEB. Bulletin, V, 1971, p. 44—70.

«Газарией». Венецианцы не замедлили послать своего консула в Каффу; в их документах с конца XIII в. он назывался *consul in Gazaria* ⁶⁵.

Объединенные татарским господством земли Северного Причерноморья (включая и Крым), Приазовья и Поволжья стали называться — у византийцев и итальянцев — тоже «Хазарией», но только это была уже не область, не окружающая или близлежащая страна, а целая обширная «империя», во главе которой стоял татарский «император» ⁶⁶. Теперь название «Хазария» не было связано с отзвуком исторического прошлого, с хазарами забытого каганата; оно выросло из давно существовавшего условного наименования Таврики, но в сильно расширенном и новом политическом смысле, в связи с развитием контактов с татарами и расширением ареала торговой деятельности европейских купцов по всей золотоордынской территории, главным же образом на восток, в сторону нижней Волги, подступом куда служила не столько Каффа, сколько Тана.

Чтобы подчеркнуть иное, расширенное значение давно известного имени «Хазария» — «Газария», чтобы отметить эту специфику (по сравнению с малой, крымской «Хазарией»), к нему прибавили не только качество «империи», но и раздвигающее до предела эту «империю» слово *totum* — вся «империя», без исключений ⁶⁷.

Дипломатическое употребление названия «Хазария» — «Газария» в новом его значении выстуило — впервые для современного историка — в тексте эпитафии венецианского посла, который осуществлял свою миссию вне Крыма, вне исконного места, носившего имя «Хазария».

Надо добавить, что новое содержание слова «Хазария» не вытеснило старого и всем привычного его содержания. По-видимому, наблюдалось двойное употребление этого названия: и в отношении Крыма, и в отношении всего Татарского государства в целом.

Иосафат Барбаро, многие годы живший в Танае (с 1436 по 1452 г.), описывая Татарию, сообщал, что к востоку от нее находится Волга, к западу — Польша, к северу — Россия, к югу — области, смотрящие в сторону Черного моря: Алалия, Кумания, Газария ⁶⁸.

Еще точнее другое объяснение Барбаро. Описывая области вокруг Азовского моря (начав от Таны и идя к западу, затем к югу), Барбаро, миновав Перекоп, указывает, что на «острове Каффы» (т. е. на Крымском полуострове) после Кумании находится Газария, причем он добавляет, что эта область лежит там, где расположена Каффа ⁶⁹.

Одновременно в одном из венецианских документов (от 21 февраля 1474 г.) говорится, что жалованье консула в Танае должно поступать из суммы сборов с венецианских купцов, торгующих в Газарии, т. е. повсюду на татарских землях ⁷⁰.

Так прослеживается двойное понимание и разное употребление термина «Хазария» — «Газария».

⁶⁵ *Fr. Thiriet. Délibérations...*, rubr. 144, a. 1290, Mart. 23—25 (p. 60); rubr. 176, a. 1293; Febr. 21 (p. 67); rubr. 178, a. 1293, Apr. 21 (p. 67). *Ibid.* doc. 574, a. 1350, Apr. 7 — о венецианском консуле Уголимо да Бучча в Каффе. В записках Контарини сказано, что в мае 1474 г. он останавливался в доме венецианского консула в Каффе (*Е. Ч. Скржинская. Барбаро и Контарини...*, стр. 191 и 213).

⁶⁶ Например: *Thiriet*, doc. 1009, a. 1401, Mart. 24. Обозначение хана «императором» в итальянских документах обычно.

⁶⁷ Подобное выражение употреблялось в отношении Византии (Романии) и всех ее владений на Леванте: *totum imperium Romanie*. Оно встречается в венецианских документах XIV в. См., например: *Thiriet, Délibérations...*, doc. 698, a. 1363, Jul. 24, p. 257, 323—324. Здесь сказано, что в случае невыполнения византийским императором условий перемирия с Венецией константинопольский баюл должен приказать венецианцам покинуть Константинополь и «всю империю Романии» (*debeant se expedire et levasse de Constantinopoli et toto imperio Romanie*).

⁶⁸ *Е. Ч. Скржинская. Барбаро и Контарини...*, стр. 114, 137, 165.

⁶⁹ Там же, стр. 128, 154, 178.

⁷⁰ См. *N. Jorga. Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV s.*, t. I. Paris, 1899—1900, p. 211.